

— Давайте начнем с «Золотого Остапа».

— Организаторы позвонили моему продюсеру и поздравили, они же заранее определяют лауреатов. Вот, говорят, порауйтесь.

— До сих пор радуетесь?

— Радуюсь, конечно, но все время радоваться, по-моему, глупо. Неожиданно все получилось, даже мысли об этой премии никогда не возникало.

— Когда вы познакомились с г-ном Бендером и в каких отношениях находитесь сейчас?

— Как все просвещенные люди нашей страны. Лет в 12–13, наверное, так что давно знакомы. Дружим.

— В детстве с кем из книжных персонажей любили себя идентифицировать?

— С Бендером, конечно. Именно. Это был кумир.

— Без шуток? Наградашла своего героя?

— Без шуток. Не потому, что он был мошенник, а потому, что он был веселым человеком. Другие дети хотели стать космонавтами, а я хотел стать Остапом Бендером.

— С гитарой познакомились уже после «12 стульев»?

— Чуть-чуть. Лет с тринадцати пытался по ноткам что-то играть. Ходил на занятия, но быстро бросил это дело — увлекся созданием вокально-инструментального ансамбля.

— Как же вы в барды пере-квалифицировались?

— Наш ансамбль был для нас частью жизни. Мы были готовы ехать в любую деревню, любой аул, чтобы сыграть там на танцах. И старались утащить с собой побольше, потому что аппаратуры катастрофически не хватало и звук обычно был не очень хороший. Ташили все это на себе, пешком. Было огромное желание показать людям, что ты делаешь, но никогда не было стремления окупиться с головой именно в авторскую песню. Как-то специально я в нее не уходил, она постепенно влезала в мою жизнь. И теперь уже влезла настолько, что пришлось заняться ею профессионально.

Жанр многое диктует. Рассказывать большие баллады в рок-н-рольном стиле невозможно, хотя пара вещей у меня есть чисто роковых. Но когда я слушаю авторскую песню — скучаю.

Я вообще не стараюсь придерживаться определенной стилистики. «О вреде пьянства» я написал в стиле кантри. У меня есть идея написать танго. Хочу цыганскую песню написать, даже начало есть: «Эй, ромалы, ельпалы». Кому нужны стандартные гармонии, стандартные ходы?

— Как же вы при таких кощунственных взглядах стали лауреатом Грушинского фестиваля?

— Случайно. Приехал туда сам по себе в 1995 году. С моим другом Мишаней, которому будет потом посвящена песня «Письма израильскому другу». Мы жили тогда в городе Архыз, взяли палатки и поперлись на этот Грушинский фестиваль. Хорошо, что Борис Вахнюк до этого приезжал в

Я познакомился с Тимуром при обстоятельствах более чем комичных. Он должен был играть в Театре песни «Третье ухо», где меня угораздило работать арт-директором. В предконцертной неразберихе я торкнул художавшего юношу в очках, рвущегося в зал без билета: «Вы куда, молодой человек?» Юноша, при ближайшем рассмотрении оказавшийся уже и не юношей вовсе, робко улыбнулся и сказал: «А у меня здесь концерт». Пришлось пропустить. *Моя газ.*

С тех пор прошло всего года полтора, но Тимур, тогда только переехавший из Карачаево-Черкесии в Москву, освоился подозрительно быстро. И сейчас уже может потягаться популярностью практически с кем угодно из старших коллег. *2001. — 15 апр.*

Наш разговор состоялся накануне вручения Тимур-у Шаову премии «Золотой Остап». К моменту выхода интервью в свет все уже будут знать, что именно он стал ее обладателем. (Некоторые реплики принадлежат гитаристу Сергею Костохину, в паре с которым Тимур играет в последнее время.) *С. М.*

ФОТО ЕВГЕНИЯ ВДОВИНА

Макс Тимур (актер)

**Тимур
ШАОВ:**

ВСЕ ДЕТИ ХОТЕЛИ СТАТЬ КОСМОНАВТАМИ, А Я — БЕНДЕРОМ

И мечта сбылась. 6 апреля бард (по мнению Тимура, промежуточное состояние между Бодлером и борделем) был награжден премией «Золотой Остап»

Архыз и услышал мои песни, когда был в жюри местного фестиваля. Смотрю, он сидит на прослушивании, я — к нему. Прошел в следующий тур, потом еще дальше и... стал лауреатом. Обо мне сразу забили, как и о большинстве грушинских лауреатов. Когда мы опоздали на поезд и у нас не было денег купить другие билеты, Мишка ходил по вагонам и кричал: «Подайте денег лауреату Грушинского фестиваля!» Я еще предложил: «Может, медаль продадим?» — мне там медаль большую дали. Мы уехали только на следующий день, когда добрые люди дали нам денег — пришлось ночевать под Самарой.

— Вы — единственный молодой бард, за последнее время прорвавшийся в когорту ведущих, сформировавшуюся достаточно давно. Как так вышло?

— Благодаря «Московским окнам». Конкретно благодаря Володе Розанову, откопавшему мою кассету среди многих других, и Евгению Вдовину, ставшему моим продюсером. Если бы не они, наверняка я до сих пор сидел бы у себя дома, изредка выезжая на какие-нибудь фестивали. Конечно, автор должен что-то из себя представлять, но все-таки надо

жить в Москве и показываться, где только возможно. С периферии пробиться абсолютно невозможно. Есть Гриша Данской — замечательный автор, но он не москвич, из Перми. Я люблю Валеру Митрофаненко из Ставрополя, тоже совершенно замечательный автор. Много тех, кого мы не знаем, а потом удивляемся: «Ах, какой интересный человек». Очень много людей, только попробуй пробейся! Раньше были препоны цензурно-идеологического характера, теперь — препоны нашего рынка дурного.

— Как давно закончилась ваша карьера врача?

— В августе исполнится два года. Недавно увидел какое-то лекарство в аптеке и понял, что не знаю, от чего оно. Это было шоком.

— Почему так получилось, что рок и авторская песня долгое время были пересекаться потоками и только сейчас намечилось какое-то взаимопроникновение?

— Мне кажется, что в роке и авторской песне много общего. Те же Макаревич, Цой, Гребенщиков, Шевчук интересны, конечно, и своей энергетикой, но в первую очередь своими текстами. Именно это роднит наш рок и авторскую песню.

С. К.: Мне вообще кажется, что многие из них исполняют авторскую песню, пользуясь только формами рок-музыки, главное — текст.

— Тем не менее сложилась такая ситуация, что представители этих культур с некоторым пренебрежением относятся друг к другу.

— Ну да: «От барда слышу!» Есть некоторая консервативность как ортодоксальной бардовской, так и рок-н-рольной тусовки. Хотя, скажем, группа «Грассмейстер» прижилась на бардовских слетах.

С. К.: Разделение скорее по секторам публики. Сами музыканты с гораздо большим удовольствием контактируют друг с другом, чем их публика.

— И в чем, на ваш взгляд, противоречие между эстетикой рока и эстетикой авторской песни?

— Я сужу со своей точки зрения, поскольку мне трудно влезть в шкуру другого человека. Сам не понимаю, что мешает. Мне, например, ничего не мешает. Могу слушать Никитина до двух часов ночи и в этот же день слушать группу «Дорз», с таким же удовольствием. Хотя я понимаю, что у того же Никитина, допустим, сложилась уже достаточно возрастная публика и им тяжело воспринять что-то новое, а вот что мешает молодым — я не понимаю. Чтобы понять, надо слушать. А ведь не слушают, потому что наблюдается дикий снобизм: «А-а, это же барды». Или: «А-а, это же рокеры». Инерция мышления — страшная. Ты сходи, послушай, а потом только суди.

С. К.: Стравинский говорил, что публика вообще больше склонна к узнаванию, нежели к познанию. Чтобы понять что-то новое, надо велушиться, чешать репу, как-то менять себя. Поэтому так по «секторам» публика до сих пор и делится.

Т. Ш. Мне кажется, на моих концертах публика разнородна, там собираются люди, которые

слушают и рок-музыку, и авторскую песню. Масса записок примерно следующего содержания: «Мы вообще-то бардовскую песню не любим, но вас мы слушаем с удовольствием». Меня это радует. Я считаю, что стереотипы надо ломать.

— Никогда не пробовали себя в качестве рекламиста? В Киеве мои знакомые делали фестиваль, используя слоганы из ваших песен: «если вы не путаете Сартра с сортиром, Бодлера с борделем, а Рембо и Рэмбо для вас разные люди, тогда мы ждем вас...» и т. д.

Т. Ш. Да, я пробовал делать заказные вещи.

С. К.: Оформлял издания Сартра, Бодлера и Рембо...

Т. Ш. Ко мне обратились потому, что людям хотелось не просто кондовой рекламы, а с каким-то приколом. Я целую песню написал, рекламировал пюре в стаканчике «Люкс-экспресс». Хорошая песня получилась, даже жалко было отдавать. Вроде бы реклама и не реклама одновременно. Как раз рок-н-ролл получился. Было, чего греха таить. И «хаммеровскому» джипу написал... Но, даже делая рекламу, я остаюсь самим собой. Не хочется банальности, хочется, чтобы было смешно и в то же время предельно доходчиво.

— Могли быть у Тимура Шаова какие-то альтернативные жизни? Не похожие на карьеру врача и барда?

— Наверное, нет. Профессия врача — это без вариантов. Когда работал доктором, с ужасом думал: «Блин, а если бы я был бухгалтером? Или сидел в каком-нибудь НИИ?» Тоска же смертная. Так что, наверное, все то же самое повторилось бы. Сейчас чувствую внутреннюю гармонию, хотя есть тоска по прежней профессии, и это гармонию немного нарушает. Но в целом все хорошо.

● **Беседовал
Анатолий ОБЫДЕНКИН**

● **P.S.** ОТ РЕДАКЦИИ. Напоминаем читателям, что в начале июля под Самарой пройдет очередной Грушинский фестиваль авторской песни. Редакция подготовила подарок для участников и слушателей «Груши-2001»: на фестивале будут распространены 250 000 экземпляров льготной подписки на «Новую газету» до конца 2001 года. Кроме того, на Грушинском фестивале будет вручен Приз симпатий «Новой газеты»: мы хотим и надеемся найти нового «поэта с гитарой». Кажется, пора...

15.4.01.